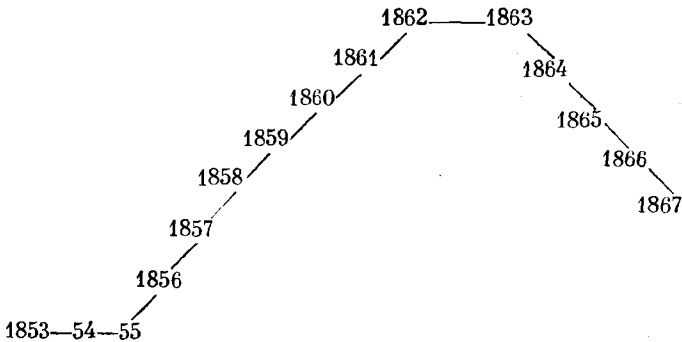

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Публикация Л. Ланского

Публикуемое ниже автобиографическое письмо Герцена сохранилось в виде чернового наброска. Кому оно адресовано, установить не удалось. Судя по тому, что оно написано по-французски, адресатом его был иностранец. Письмо совершенно лишено элементов, обычно присущих частному письму; повидимому, оно явилось ответом на запрос редактора какого-либо издания и предназначалось для печати.

Дата письма может быть установлена только приблизительно. В письме содержится упоминание о введении гласного суда в России. Судебная реформа 1864 года фактически вошла в действие лишь с 1866 г. Имеется, однако, признак, дающий возможность установить, что письмо написано уже после 1867 г.: на оборотной стороне двух последних листов рукой Герцена записаны следующие годовые даты, размещенные в виде двух — возрастающей и ниспадающей — кривых:

Эти цифры наглядно изображают состояние издательской деятельности Герцена за протекшее десятилетие: незначительное распространение его изданий в 1853—1855 гг., неуклонный рост с 1856 по 1861—1862 гг. и столь же резкое падение с 1863 до 1867 г. Последняя дата доказывает, что письмо могло быть написано только после 1867 г. Герцен дает в публикуемом письме развернутую оценку своей литературно-публицистической деятельности пятидесятишести летней давности. Представляет интерес также его указание на то, что «первая мысль о „Колоколе“ принадлежала Огареву (ср. XVI, 134).

Отправил ли Герцен письмо адресату и было ли оно напечатано в каком-либо заграничном издании, выяснить не удалось.

(1867—1869 гг.)

Monsieur,

Vous me demandez des détails de ma vie, principalement depuis 1848 et l'histoire du «Kolokol». J'ai très peu de choses à vous dire, quant à moi. Je n'ai pas quitté l'Europe depuis 1847 et je n'ai pas pris de part active aux affaires de l'Occident. J'étais spectateur ému de la grande marée croissante et décroissante de 1848... et j'écrivais quelques articles qui ont paru en [Allemagne] [Suisse] allemand sous le titre «De l'autre rive» («Vom anderen Ufer») et des «Lettres sur la France et l'Italie» [un ou deux articles parurent dans «La Voix du peuple» de Proudhon]. Expulsé de France en 1850 par des motifs qui me sont restés inconnus — et qu'il m'est [impossible] difficile d'expliquer autrement que par ma participation au journal de Proudhon [que je connaissais personnellement et pour lequel j'avais un respect profond] la «Voix du peuple» — je me suis éloigné à Nice (encore italienne). C'est là que j'ai publié en 1851 un livre sur le «Développement des idées révolutionnaires en Russie» et une lettre sur «Le socialisme et le peuple Russe» adressée à Michelet.

Après une série de malheurs personnels (1851—52) [qui brisèrent mon

existence] je quittai Nice et allai me réfugier [pour plus de dix ans] [en 1852] à Londres (...)*

Les barrières tombèrent — sans qu'on les ait enlevées. Nos imprimés entraient en masse dans la Russie. Immédiatement après la mort de Nico-

ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ

ВЪ ЛОНДОНѢ...

Отвѣсы ли. каковы?

Нужны ли имъ легка свобода?

Или свобода имъ нужна, отъ чего имъ не хочется свободы?

Далеко ли отъ насъ отстоитъ Русскій народъ, отъ какова разстоянія отъ насъ далеко и близко отъ насъ...

А знаю ли вы вѣдь, насколько близко, какъ близка отъ насъ свобода вѣдь, вѣдючи много, вѣдючи мало.

Отвѣтите, вѣдючи роль вѣдючи роль, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, вѣдючи роли. — Не держите за насъ люди дѣлать роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли. — Свободы вѣдючи роли, вѣдючи роли, вѣдючи роли. — Мы знаемъ, каковы роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли.

Отвѣтите, вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли.

Вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли. — Вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли.

А первый шагъ отъ насъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли.

Отвѣтите, вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли. — Мы знаемъ, каковы роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли.

Но для чего платите по Руси за вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли.

Если ли вы будете вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли. — Мы знаемъ, каковы роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли, отъ вѣдючи роли.

ОБРАЩЕНИЕ ГЕРЦЕНА «ВОЛЬНОЕ РУССКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ
ВЪ ЛОНДОНѢ. БРАТЬЯМЪ НА РУСИ»

Литографированный листок, 1853 г.

Лист 1

Центральный государственный архив Октябрьской революции. Москва

las je commençais la publication d'une revue [russe] «L'Etoile polaire», ce titre appartenait à un Almanach publié avant 1825 — par le célèbre Rileieff et ses amis. Le succès était grand. Les premiers volumes étaient réimprimés — dans une autre imprimerie, la nôtre ne pouvant suffire, avec sept ou huit ouvriers qui travaillaient constamment.

*Пропуск; вероятно отсутствует одна страница.— Ред.

Dans les premiers cinq ans qui suivirent 1856 — nous avons écrit, rédigé, mis en livres et <1 нрзб.> une vingtaine de volumes (je vous en envoie une liste).

Depuis le printemps de 1856 — je travaillais avec mon ami N. Ogareff — qui vint à Londres. C'est à lui qu'appartient la première idée du «Kolokol». Au mois de juillet 1857 nous commençâmes notre journal. Il n'y a pas un <seul> de nos ennemis les plus acharnés qui ait douté de la grande influence du «Kolokol» — «La Cloche» <qui> avec son épigraphe de «Vivos voco» — devint de l'Appel, du cri de Conscience — une [nouvelle] puissance en Russie.

[Notre premier programme était d'une simplicité élémentaire. Nous avons mis sur notre drapeau comme [premiers] *desiderata* sans lesquels pas un pas en avant.] Nous nous avançâmes avec un drapeau modeste. Nous demandions dans chaque feuille:

L'émancipation des paysans *avec la terre*,

L'abolition de la censure préventive,

L'abolition des peines corporelles,

L'abolition de la procédure inquisitoriale et secrète.

[Vous le savez — il n'y a plus de serfs en Russie, la terre est restée aux paysans, et il n'y a plus de censure, il y a un tribunal oral, le verdict appartient aux jurés et la peine corporelle, disparaissant du code — n'est maintenue <que> par un non-sens complet — que comme moyen disciplinaire.]

Dans cinq ans nous avons vu réaliser nos *pia desideria*.

Je ne veux pas dire que le «Kolokol» ait été la cause de ces réformes — mais qu'il n'était nullement étranger à leur réalisation [et placé sur un terrain libre il en a parlé le premier, et toujours, dans chaque feuille]

[La seconde force — c'est] En tenant ferme notre programme qui s'élargissait à chaque pas, à chaque concession, [nous] le «Kolokol» avait une autre puissance — et bien terrible — il se fit accusateur [public] de tous les abus de la haute administration et du gouvernement. Nous avons les premiers tiré au grand jour — les ministres et conseillers du Tzar, nous leur avons publiquement [arraché] ôté le masque — c'était quelque chose d'entièrement nouveau pour la Russie. On s'arrachait notre feuille à Pétersbourg, à Moscou, dans les villes de province, il y avait des cas dans lesquels on <a> payé jusqu'à 10 roub. argent un seul n<uméro>. Nos accusations nous amenèrent des correspondances, des révélations de toutes les parties de <la> Russie. On avait enfin une tribune où l'on pouvait accuser non seulement les puissants [invulnérables à la maison], mais la cour. Le gouvernement lui-même prêta une oreille attentive à nos révélations.

Je vous conseille de voir les articles de Ch. Mazade («Revue des Deux Mondes») sur l'influence de «Kolokol»¹.

Nous ajoutâmes bientôt un supplément juridique² et après un autre pour servir d'organe et d'avocat des dissidents³. Ce dernier amena à deux résultats remarquables. C'est que le gouvernement qui ne permettait pas à la presse de toucher [la question] les doctrines des dissidents — permit d'en parler...

Перевод:

<1867—1869 гг.>

Милостивый государь,

Вы просите у меня подробностей моей жизни, главным образом начиная с 1848 г., и историю «Колокола». О себе лично я могу сообщить очень немного. Я не покидал Европы с 1847 г. и не принимал деятельного участия в делах Запада. Я был взволнованным наблюдателем нараставшего и убывавшего прилива 1848 г. ... и написал несколько статей, появившихся * на немецком языке под названием «С того берега»

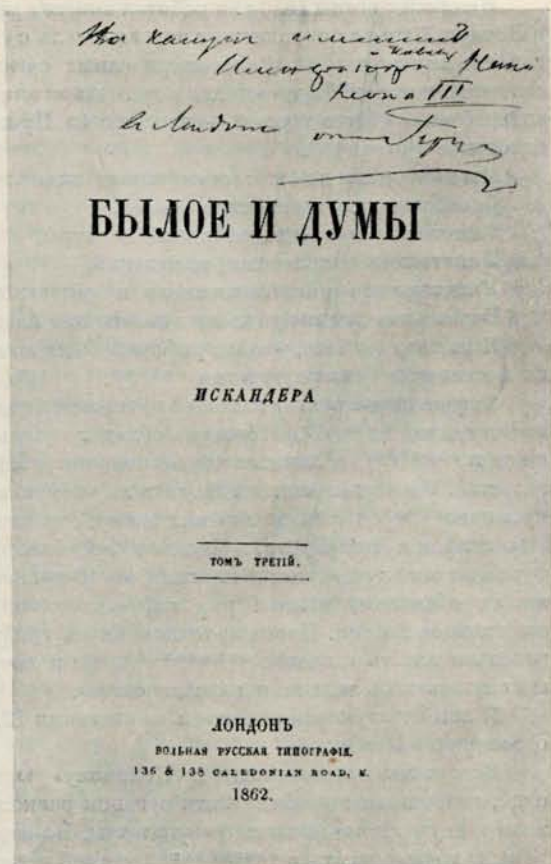
* Далее зачеркнуто: а. в Германии б. в Швейцарии

ЭКЗЕМПЛЯР «БЫЛОГО И ДУМ»
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

«Накануне имени императора
и кавалера Наполеона III
в Лондоне от Герцена»

Собрание Н. П. Анциферова,
Москва

(«Vom anderen Ufer») и «Писем о <1> Франции и Италии» *. Изгнанный из Франции в 1850 г. по причинам, которые мне остались неизвестными и которые ** я затрудняюсь объяснить иначе как моим участием в газете Прудона *** «Голос народа», я удалился в Ниццу (тогда еще итальянскую). Там-то я опубликовал в 1851 г. книгу «О развитии революционных идей в России» и письмо о «Социализме и русском народе», адресованное Мишле.

После ряда личных несчастий (1851—52) **** я покинул Ниццу и нашел убежище ***** в Лондоне *****.

Преграды пали, хоть они и не были уничтожены. Наши издания широко проникали в Россию. Сразу же после смерти Николая я начал издание***** журнала «Полярная звезда», — это название принадлежало альманаху, выпускавшемуся до 1825 г. знаменитым Рылеевым и его друзьями. Успех был велик. Первые томы были переизданы — в другой типографии, — наша не могла справиться при семи или восьми рабочих, трудившихся не покладая рук.

В первые пять лет — после 1856 г. — мы написали, отредактировали, напечатали и <1 нрзб.> десятка два томов (я посылаю вам их список).

* Далее зачеркнуто: одна или две статьи появились в «Голосе народа» Прудона.

** Далее зачеркнуто: мне невозможно

*** Далее зачеркнуто: которого я знал лично и к которому питал глубокое уважение

**** Далее зачеркнуто: разбиеших мою жизнь

***** Далее зачеркнуто: а. более, чем на десять лет б. в 1852 г.

***** Пропуск; вероятно отсутствует одна страница. — Ред.

***** Далее зачеркнуто: русского

Начиная с весны 1856 г. я работал вместе с моим другом Н. Огаревым, приехавшим в Лондон. Ему-то принадлежит первая мысль о «Колоколе». В июле 1857 г. мы начали издание нашей газеты. Даже среди самых ожесточенных наших врагов не найдется человека, который бы усомнился в громадном влиянии «Колокола» («La Cloche») — с его эпиграфом — «Vivos voco»*, — ставшего из Призыва, крика Совести** — подлинной властью в России***.

Мы выступили под весьма скромным знаменем. Мы требовали в каждом листе: Освобождения крестьян с землей,

Уничтожения предварительной цензуры,

Уничтожения телесных наказаний,

Уничтожения инквизиторского и секретного судопроизводства****.

Через пять лет мы увидели воплощение наших *via desideria******.

Я не хочу сказать, что эти реформы были вызваны «Колоколом», но осуществление их прошло не без его участия*****.

Твердо придерживаясь нашей программы, расширявшейся с каждым шагом, с каждой уступкой*****, «Колокол» обладал теперь уже иной силой — и очень грозной — он стал***** обличителем всех злоупотреблений высшей администрации и правительства. Мы первые стали выводить на чистую воду министров и советников царя, мы публично***** снимали с них маску. Это было нечто совершенно новое для России. Наш листок в Петербурге, в Москве и провинциальных городах рвали друг у друга из рук; бывали случаи, когда платили до 10 рублей серебром за один номер. Следствием наших обвинений явился ряд корреспонденций, разоблачений, присылавшихся со всех концов России. Наконец-то появилась трибуна, с которой можно было обвинять не только власть имущего*****, но и двор. Само правительство внимательно прислушивалось к нашим разоблачениям.

Я вам советую ознакомиться со статьями Ш. Мазада в «Revue des Deux Mondes» о влиянии «Колокола»¹.

Вскоре мы присоединили к «Колоколу» юридическое добавление², а потом еще одно, которое должно было быть органом раскольников и их защитником³. Это привело к двум замечательным результатам. Во-первых, правительство, не позволявшее раньше печати касаться***** учений раскольников, теперь разрешило говорить о них... *<На этом рукопись обрывается.>*

Автограф (черновой). ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, лл. 105, 107—110.

¹ В «Revue des Deux Mondes» появились следующие статьи Шарля Мазада о политической жизни России: «La Russie sous le règne de l'empereur Alexandre II» («Россия в царствование Александра II» — 15 января 1862 г.); «La crise de l'autocratie et la société russe» («Кризис самодержавия и русское общество» — 15 июня 1862 г.); «La société et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise» («Русское общество и русское правительство со времени польского восстания» — 15 марта 1866 г.); «Deux années de l'histoire intérieure de la Russie» («Два года внутренней истории России» — 1 апреля 1868 г.).

² Герцен имеет в виду приложение к «Колоколу», называвшееся «Под суд!».

³ Речь идет о приложении к «Колоколу» — «Общее вече».

* Ссываю живых (лат.).

** Далее зачеркнуто: новой

*** Далее зачеркнуто: Наша первая программа была элементарно проста. Мы выставили на своем знамени в качестве [первых] desiderata <пожеланий>, без которых невозможен ни один шаг вперед

**** Далее зачеркнуто: Вы знаете, что в России крепостных больше нет, земля осталась за крестьянами, цензура уничтожена, имеется гласный суд, приговор выносится присяжными заседателями, и телесные наказания, исчезая из кодекса, сохраняются, хоть это и судяся нелепость, лишь как дисциплинарная мера.

***** благих пожеланий (лат.).

***** Далее зачеркнуто: Находясь на свободной почве, он первый заговорил о них, и постоянно, в каждом листе. Вторая сила — это

***** Далее зачеркнуто: мы

***** Далее зачеркнуто: общественным

***** Далее зачеркнуто: срывали

***** Далее зачеркнуто: неуязвимо там у себя

***** Далее зачеркнуто: вопроса